

Л. Н. Галактионова
Санкт-Петербург, Россия

ПОРЯДОК ПОЯВЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ТИПОВ ВОПРОСОВ В ЛЕКСИКОНЕ МОНОЛИНГВАЛЬНЫХ И БИЛИНГВАЛЬНЫХ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА¹

В статье рассматривается последовательность появления вопросительных слов в речи монолингвальных и билингвальных детей раннего дошкольного возраста. Особое внимание уделяется роли вопросов в речевом развитии ребенка и соотнесению семантических типов вопросительных слов с основными семантическими категориями. Сравнивается раздел «Вопросы» русскоязычной, англоязычной и немецкоязычной версий Макартуровского опросника.

Ключевые слова: билингвизм, симультанный билингвизм, диалог, порядок появления вопросительных слов в речи ребенка, семантика вопросительных слов, Макартуровский опросник, дети раннего дошкольного возраста, речевое развитие ребенка.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-012-00293.

THE ORDER OF THE APPEARANCE OF SEMANTIC TYPES
OF QUESTIONS IN THE LEXICON OF MONOLINGUAL
AND BILINGUAL CHILDREN OF PRESCHOOL AGE

The article describes the sequence of appearance of question words in the speech of monolingual and bilingual preschool children. Particular attention is paid to the role of questions in the speech development of the child and the correlation of the semantic types of question words with the main semantic categories. The “Questions” section of the Russian, English and German versions of the MacArthur-Bates communicative development inventories is compared.

Key words: *bilingualism, simultaneous bilingualism, dialogue, the order of appearance of interrogative words in a child's speech, semantics of interrogative words, MacArthur questionnaire, the MacArthur-Bates communicative development inventories, children of early preschool age, speech development of a child.*

Вопросительные предложения играют важнейшую роль в речевом развитии ребенка. Уже разговаривая с новорожденным ребенком, мать интуитивно обучает его технике реплицирования: задает малышу вопросы и делает паузы, а затем, как правило, сама дает ответ [1]. Вопросы матери играют провоцирующую роль [2], являются способом установления контакта с ребенком. В диалоге с детьми среднего и старшего дошкольного возраста вопросы взрослого могут быть направлены на коррекцию неполноты детского высказывания [3]. Таким образом, вопросы взрослого стимулируют речевое и когнитивное развитие детей, формируют навыки ведения диалога, способствуют освоению семантических категорий. Появившись в активном лексиконе ребенка, вопросы становятся для него инструментом познания мира, а для исследователей детской речи – отражением уровня его когнитивного развития.

Взаимосвязь вопросительных слов и основных семантических категорий позволяет использовать «детский» вопрос как источник информации об освоении ребенком той или иной категории. Рассмотрев последовательность появления вопросительных слов в речи монолингвальных детей, мы поставили перед собой задачу проверить, в каком порядке будут появляться эти слова в речи билингвов, влияет ли один язык на другой при освоении семантических категорий, имеет ли специфика вопросительных слов того или иного языка отражение в речевом развитии ребенка. Исследование проводится в рамках проекта «Лексическое развитие детей-билингвов раннего возраста», целью которого является определение диапазона норм лексического развития детей-билингвов. Работа над изучением вопросов в лексиконе билингвальных детей только началась, поэтому материала собрано немного. Тем не менее некоторые предварительные выводы и предположения уже могут быть сделаны.

Особенности речи, обращенной к детям (ее доступность, ориентированность на неопытного собеседника), предполагают, что семантическая сложность вопросов взрослого будет коррелировать с уровнем когнитивного

развития ребенка. Экспериментальные исследования диалога «взрослый – ребенок» и анализ дневниковых записей речи детей раннего и младшего дошкольного возраста показали, что в первую очередь в инпуте появляются локативные вопросы (например, *где?*, *куда?*), предметно-номинативные вопросы (вопросы о номинации – *кто/что это?*), вопросы к предикату (*Что мальчик делает?*) [4; 5; 6].

Ближе к двум годам, после так называемого «лексического взрыва» [7], в инпуте появляются качественные вопросы (*какой?*). Позже возникают вопросы, для ответа на которые надо обладать более высоким уровнем когнитивного развития и развитыми речевыми навыками: темпоральные вопросы (*когда?*), каузативные вопросы (*почему?*), медиативные вопросы (*как?* в значении *каким образом?*), количественные вопросы (*сколько?*).

Посессивные вопросы *чей?*, *чья?*, по мнению В. В. Казаковской, появляются в лексиконе ребенка поздно и используются редко [4]. Другие исследователи считают, что вопрос *чей?* становится когнитивно доступным детям довольно рано и появляется в инпуте наряду с локативными, качественными и количественными вопросами [5].

Порядок появления вопросов в активном лексиконе ребенка имеет приблизительно ту же последовательность, что и в пассивном. Это связано с частотностью использования вопроса в инпуте, со степенью сложности отображаемой вопросом семантической категории, а также с синтаксической функцией вопросительного слова (так, вопросительные слова *что*, *где* и *кто* замещают главные члены предложения, поэтому и появляются в лексиконе ребенка раньше [4]).

Необходимо учитывать, что вопросам взрослого, обращенным в первую очередь к маленькому ребенку, свойственна так называемая псевдовопросительность, что обусловлено общей лингводидактической направленностью инпута. Псевдовопросы отличаются от собственно вопросов тем, что не несут в себе цели получить информацию. Это могут быть так называемые «тест-вопросы» (*Где собачка?* в значении ‘покажи на картинке собачку’), «вопросы-побуждения» (*Как Маша танцует?* в значении ‘станцуй’), «вопросы-замечания» (*А зачем ты ломаешь?* в значении ‘не ломай’). Таким образом, вопросительные слова *где*, *как*, *зачем* могут присутствовать в диалоге с совсем маленькими детьми, но скорее всего они не будут являться собственно вопросами, предполагающими вербальный ответ и требующими от ребенка владения соответствующими данным вопросительным словам семантическими категориями.

В своем исследовании мы рассматриваем речевое развитие симультанных билингвов – детей, осваивающих оба языка одновременно. Как правило, это дети из смешанных браков (мама – русская, отец – иностранец), проживающие за пределами России. Таким образом, с одной стороны влияние на ребенка оказывает язык матери, с другой – язык отца и окружения. Мы, вслед за Г. Р. Добровой и Н. Рингблом, придерживаемся гипотезы о взаимосвязи языковых систем в сознании таких детей [8]. По мнению

названных исследователей, для симультанных билингвов характерно иное развитие, чем для монолингвов. Это «не «двойные монолингвы», а дети с (относительно) единой системой «другого языкового развития» [8, с. 170]. Язык симультанных билингвов – это особый вариант языка, в котором сильный язык влияет на развитие слабого.

Для определения порядка появления вопросительных слов в речи билингвальных детей мы использовали Макартуровский опросник [9; 10; 11] – инструмент диагностики речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста, который широко используется во всем мире. Разработчики американской версии опросника – Л. Фенсон, Ф. Дейл, Э. Бейтс, С. Резник и др. Опросник был адаптирован ко многим языкам. Создателями русскоязычной версии опросника являются С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева, В. Л. Рыскина, Е. А. Вершинина, А. М. Вершинин¹.

Итак, для сравнения нами были выбраны следующие группы в опросниках на трех языках: группа «Вопросы» в русском, группа «Question words» в английском и группа «Fragewörter» в немецком опросниках.

В первую очередь эти группы отличаются количеством слов. В русском опроснике в группу включено 11 вопросительных слов, в английском и немецком – по 7. В английском и немецком опросниках отсутствуют вопросы *куда*, *почему*, *сколько* и *чей*. Нам представляется, что это может быть связано с двумя причинами.

Во-первых, с большей семантической сложностью этих вопросов – мы уже отметили, что каузативные, квантитативные, посессивные вопросы осваиваются детьми позже. Более «поздние» слова могли быть не включены в английский и немецкий опросники, поскольку они рассчитаны на диагностику речевого развития детей раннего возраста. Позже осваиваются и вопросы с медиативной семантикой, но вопрос *как?* присутствует во всех трех опросниках. Это может быть связано с псевдовопросительностью, о которой мы уже упоминали ранее².

Вторая причина, по которой количество вопросительных слов в английском и немецком опросниках меньше, чем в русском – особенности языков. В английском языке вопросы *где?* и *куда?* совпадают – *where?*, как и вопросы *почему?* и *зачем?* – *why?*. Вопрос *сколько?* и в английском, и в немецком языке дословно можно перевести на русский язык *как много* (ср. с англ. *how much* и нем. *wieviel*).

Отсутствие в английском языке отдельных вопросительных слов, соответствующих русским *откуда* и *зачем*, является, по сути, нарушением симметрии языкового знака, к которой так стремится ребенок: «дети, как мы

¹ Стоит отметить, что при сравнении опросников на разных языках следует говорить, скорее, не о переводе опросника на другой язык, а об адаптации к языку и к определенным социокультурным реалиям. История создания русскоязычной версии опросника подробно описана в статье М. Б. Елисеевой и Е. А. Вершининой [12].

² К сожалению, формат опросника имеет существенный недостаток для изучения именно вопросительных слов: мы не можем определить контекст, в котором употреблялась слово, а потому не имеем возможности определить, находилось ли оно в составе собственно вопроса.

знаем, строго следят за соблюдением закона симметрии языкового знака, т.е. за тем, чтобы одному означающему соответствовало одно и при этом постоянно одно и то же означаемое, и наоборот» [1, с. 199]. Г. Р. Доброва и Н. Рингблом отмечают, что симультанным билингвам свойственно «нестрогое обращение с языковым знаком» [8, с. 166], такие дети могут легко заменять слова внутри одной тематической группы, смешивать глагольные формы и т.д. Предполагается, что такие особые отношения детей-билингвов к языковому знаку и асимметрия вопросительных слов в русском и английском языках могут найти отражение в речи англо-русских билингвальных детей.

Так, мама англо-русского билингва девяти лет отметила, что в речи ее ребенка встречаются конструкции типа *Я иду в школе*, и связала это с тем, что ребенок путает падежи. Мы предполагаем, что причина грамматической ошибки тут иная. Русский вопрос *где?* предполагает использование в ответе предложного падежа (в школе), а вопрос *куда?* – винительного падежа (в школу). В английском языке *где* и *куда* – это один и тот же вопрос *where* (вопрос к обстоятельству места). Ребенок переключает языковой код, произнося высказывание по-русски, но влияние более сильного языка (английского) сказывается на форме высказывания. Именно поэтому ребенок использует вместо необходимого тут винительного падежа предложный.

Итак, на основе заполненных Макартуровских опросников мы попытались проследить, совпадает ли последовательность появления вопросительных слов в речи монолингвальных и билингвальных детей. Поскольку порядок появления вопросительных слов коррелирует с когнитивным развитием, можно предположить, что у монолингвальных и билингвальных детей он будет совпадать. Об универсальности начального репертуара вопросов в разных языках пишет В. В. Казаковская [13, с. 372]. В свою очередь, известный исследователь детской речи Дэн Слобин замечает, что порядок овладения языком зависит не только от семантической и когнитивной сложности, но и от языковой сложности. Это позволяет на основе изучения начального лексикона билингвальных детей сделать предположения о сложности освоения формальных средств в разных языках: «Если данное значение получает выражение одновременно в обоих языках ребенка-билингва, это может означать, что формальные средства в обоих языках представляют одинаковую трудность» [14, с. 151].

На данный момент у нас имеется четыре заполненных опросника симультанных билингвов раннего возраста.

Опросники К., англо-русской билингвальной девочки, заполнялись мамой ребенка ежемесячно с 11 месяцев до 21 месяца К. В 16 месяцев в пассивном лексиконе девочки, сразу в обоих языках, появляются локативные вопросы *где?* и *where?*. В 20 месяцев новые вопросительные слова появляются как в пассивном, так и в активном лексиконе ребенка. В русском языке это вопросы *где?*, *кто?*, *что?* – эти вопросы ребенок не только понимает, но и произносит. В английском языке – вопросы *what?* и *who?*,

которые ребенок также уже произносит. Вопросительное слово *where* к 20 месяцам еще остается в пассивном лексиконе ребенка. Остальные вопросительные слова ребенок не говорит и не понимает.

Т., англо-русский билингвальный мальчик, родился и живет в Великобритании. Мама разговаривает с Т. на русском языке, папа – на английском. Периодически мальчик слышит испанскую речь (от папы). Опросник заполнялся мамой, когда Т. было 19 месяцев. Мальчик, по словам мамы, к этому возрасту еще не говорит, только «балаболит». В активном словарном запасе ребенка вопросительных слов нет. В пассивном словарном запасе на русском языке слова *где, куда*, на английском – *where*.

М., русско-немецкая билингвальная девочка, родилась и живет в Германии. Мама говорит с М. на русском, папа – на немецком языке. В детском саду и со сверстниками ребенок разговаривает на немецком. Между собой родители девочки общаются на английском языке. Опросник заполнялся мамой, на момент заполнения опросника М. было 25 месяцев. К этому возрасту в активном лексиконе ребенка на русском языке присутствуют вопросительные слова *где, кто, куда*. По-немецки М. использует в речи слова *wie* 'как', *wer* 'кто', *was* 'что', *wo* 'где'. В пассивном лексиконе ребенка на немецком языке уже есть все представленные в немецкой версии опросника вопросительные слова. На русском языке М. понимает слова *как, что, какой, сколько, чей*. Вопросы *зачем?, почему? и когда?* пока нет ни в пассивном, ни в активном лексиконе ребенка.

А., русско-немецкий билингвальный мальчик, родился и живет в Германии, в русскоязычных странах никогда не был. Мама А. заполняла опросники, когда сыну было 25 и 26 месяцев. Мама и ее родственники разговаривают с А. на русском, папа и родня с его стороны – на немецком. Со сверстниками на прогулке ребенок общается и на русском, и на немецком языке. Если ребенку задается вопрос на русском языке, то отвечает он на русском, если же ребенок слышит обращенный к нему вопрос на немецком языке, то ответ дает тоже на немецком. В 25 месяцев в активном лексиконе ребенка на русском языке вопросы *кто, что, где, куда, как, какой, сколько*. Вопросительные слова *зачем, когда, почему, чей* ребенок не говорит, но понимает. По-немецки А. говорит и понимает все вопросы, кроме: *wie* 'как' (понимает, но не говорит) и *wann* 'когда' (не говорит и не понимает). По данным опросника, заполненного в 26 месяцев А., посессивный вопрос *чей?* переходит в активный лексикон мальчика. В активном лексиконе появляются также отсутствовавшие месяц назад вопросы *wie* и *wann*.

Полученные данные показывают, что порядок появления вопросительных слов в лексиконе монолингвальных и билингвальных детей имеет приблизительно одинаковую последовательность. Первым вопросом в активном лексиконе детей становятся локативный вопрос *где* (*where, wo*), скорей всего псевдовопросительный; предметно-номитативные вопросы *кто* (*who, wer*) и *что* (*what, was*). Вопрос *что* появляется скорей всего как составная часть вопроса к предикату.

Сложными семантическими типами вопросов, появляющимися позже, являются каузативные (*зачем, почему, why, warum*), темпоральные (*когда, when, wann*), медиативные (*как, how, wie*), посессивный (*чей*).

Итак, порядок появления вопросительных слов в начальном детском лексиконе напрямую связан с когнитивным развитием ребенка, а потому будет совпадать у монолингвальных и билингвальных детей. Формальные средства в области семантики вопросов в русском, английском и немецком языке имеют приблизительно одинаковую сложность, поэтому их наличие не отражается на порядке появления вопросительных слов.

Предполагается, что в лексическом развитии детей-симультантных билингвов в силу их отличного от монолингвальных детей языкового развития могут встречаться особенности, связанные с асимметрией в области вопросительных слов в разных языках.

На основании некоторых имеющихся у нас данных представляется, что утверждение о том, что в языковой системе ребенка-билингва сильный язык влияет на развитие слабого, может найти подтверждение и в области освоения ребенком вопросительных слов и ответов на вопросы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цейтлин, С. Н. Язык и ребенок : лингвистика детской речи / С. Н. Цейтлин. – М. : ВЛАДОС, 2000. – 240 с.
2. Базжина, Т. В. Диалог на начальном этапе языкового развития / Т. В. Базжина // Детская речь : Лингвистический аспект : межвуз. сб. науч. тр. / сост. : С. Н. Цейтлин, Г. Р. Доброва, М. Д. Воейкова. – СПб. : Образование, 1992. – С. 57–66.
3. Кузьмина, Т. В. Обучающий и развивающий характер вопросительных предложений в речи, обращенной к маленьким детям / Т. В. Кузьмина, Н. А. Ермакова // Проблемы детской речи : материалы межвуз. конф. / редкол. : С. Н. Цейтлин (отв. ред.), М. Б. Елисеева, Т. А. Круглякова. – 1996. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1996. – С. 135–137.
4. Казаковская, В. В. Вопросо-ответные единства в диалоге «взрослый–ребенок» / В. В. Казаковская. – СПб. : Наука, 2006. – 456 с.
5. Елисеева, М. Б. Умеет ли ребенок отвечать на вопросы? (по материалам анализа Макатуровских опросников и case study) / М. Б. Елисеева, Е. А. Вершинина // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. – С. 28–43.
6. Галактионова, Л. Н. Некоторые особенности лингводидактической тактики взрослого в диалоге с ребенком дошкольного возраста / Л. Н. Галактионова // Развитие ребенка в семье. Сер. Семья и дети в современном мире / под ред. В. Л. Ситникова. – СПб. : Социально-гуманитарное знание, 2017. – С. 353–368.
7. Елисеева, М. Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста / М. Б. Елисеева. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – 143 с.
8. Доброва, Г. Р. Речевое развитие ребенка – симультанного билингва : двойная система или единая система «другого развития»? / Г. Р. Доброва, Н. Рингблом // Уральск. филол. вестн. Сер. Язык. Система. Личность : лингвистика креатива. – Екатеринбург : ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2018. – № 2. – С. 157–171.
9. Елисеева, М. Б. Макатуровский опросник : русская версия. Оценка речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста. Нормы развития. Образцы анализа. Комментарии / М. Б. Елисеева, Е. А. Вершинина, В. Л. Рыскина. – Иваново : ЛИСТОС, 2017. – 76 с.

10. *Fenson, L.* Variability in Early Communicative Development / L. Fenson, P. Dale, S. Reznick, E. Bates, D. Thal, S. Pethick // Monographs of the Society for Research in Child Development. – USA : Medford, 1994. – 59 (5, Serial No. 242). – P. 1–173.
11. *Szgun, G.* Fragebogen zur frühkindlichen Sprachentwicklung (FRAKIS) und FRAKIS-K (Kurzform) [Электронный ресурс] / G. Szgun, B. Stumper, A. S. Schramm. – Режим доступа : www.pearsonassessment.de. – Frankfurt : Pearson Assessment, 2009. – Дата доступа : 10.12.2019.
12. *Елисеева, М. Б.* Макартуровский опросник как инструмент диагностики лексического развития детей от 8 до 36 месяцев / М. Б. Елисеева, Е. А. Вершинина // Специальное образование. – Екатеринбург : ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2017. – № 3 (47). – С. 66–81.
13. *Казаковская, В. В.* Семантическая типология вопросо-ответных единств : ранние этапы речевого онтогенеза / В. В. Казаковская // Семантические категории в детской речи / отв. ред. С. Н. Цейтлин. – СПб. : «Нестор-История», 2007. – С. 359–383.
14. *Слобин, Д.* Когнитивные предпосылки развития грамматики / Д. Слобин // Психолингвистика : сб. ст. / сост. А. М. Шахнарович. – М. : Прогресс, 1984. – С. 143–207.

Лейла Нуралиевна Галактионова
ассистент кафедры языкового и литературного образования
ребенка РГПУ им. А. И. Герцена

Leila N. Galaktionova
assistant professor of The Herzen State Pedagogical University
of Russia